

*Следствием
установлено*

**ДЕТЕКТИВЫ
БРЕЖНЕВСКОЙ
ЭПОХИ**

ИГОРЬ ТОМИН

Мёртвое
зерно

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т56

Томин, Игорь Иванович.

Т56 Мертвое зерно / Игорь Томин. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Следствием установлено. Детективы брежневской эпохи).

ISBN 978-5-04-229649-9

1975 год, Брянская область. Ранним утром в пшеничном поле у дороги находят мертвого киномеханика Сашку. Следов на месте преступления нет.

В деревню приезжает опергруппа из Москвы: следователь Туманский, опер Воронов и криминалист Грайва. Первой под подозрение попадает жена убитого Надежда. Она слишком спокойна, и у нее — десяток причин убить мужа.

Подозревают и бухгалтера Андреева. Киномеханик крутил шашни с его дочерью, и у бухгалтера тоже есть все основания ненавидеть Сашку.

Странно ведет себя и завкладом Борщев. Он всем улыбается, но явно что-то недоговаривает.

В поле зрения сыщиков попадает и радиолобитель Медведь, чьи странные слова разлетаются в эфире на десятки километров.

Даже директора совхоза Уткина есть в чем подозревать — он подписывает слишком гладкие отчеты. Слишком правильные...

Спустя несколько дней из реки достают тело участкового, который накануне сообщил следователю, что «почти все понял». Деревня сохраняет единомыслие. Алиби звучат стройно. Каждый клянется, что говорит правду.

Версии сыщиков рушатся одна за другой. Остаются только цифры. Но и они не сходятся. А правда где-то рядом, но у нее нет очевидцев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Томин И., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

2026

ISBN 978-5-04-229649-9

Глава 1

ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ

Поднялись затемно. Отец собрал планшетку, сунул в карман паспорт, на столе осталась кружка недопитого чая. Сказал коротко: в Брянск, по делам, ненадолго. Любка кивнула, накинула косынку и вышла с ним на улицу.

До лётного поля четыре километра. Дорога в колеях, по краям мокрица и хвощ, в ложбинке чернеет лужа после ночной росы. Они шли бодро. Отец молчал, только иногда покашливал. Любка пыталась разговорить:

— Пап, к вечеру вернёшься, чи как?

— Погоди, дочка. Как с делами управлюсь, так вернусь. Не впервой летим.

— А ты чего плохо спал?

— Я плохо спал? С чего ты взяла?

— Да слышала, как босыми ногами по веранде шлёпал.

— Воду пить вставал.

— Волновался?

Отец не ответил.

Весной он тоже летал в Брянск, тогда вернулся поздно, как раз к тому часу, когда в хате уже вечерять садились. Любка тогда бегала в клуб, на «Карнавальную ночь», Сашка крутил фильм, улыбался, шутил громко, все девчонки хихикали. Она вспомнила и потупилась. Теперь другое дело, не до смехов.

Домик на лётном поле показался внезапно. Небольшой, с голубой доской на стене, над дверью проволока антенны. Перед порогом привязанная кляча щиплет траву. Дальше, за полосой, пасётся стадо овец, пастух гонит их от кромки, покрикивает: «А ну, кыш, нечего тут!»

Внутри домика — стол, журнал в клетку, на подоконнике радиостанция, трещит, будто шмель в банке. Служащий, он же диспетчер, поднял глаза, кивнул, достал ручку.

— Вдвоём летите?

— Нет, один, — ответил отец. — По службе.

— Паспортик. Запишем. Сёдни полный борт, ещё двое из Житни подходят.

Он перелистнул журнал, вписал фамилию: Андреев. Отметил время. Протянул зелёный билет. Посмотрел на Любку:

— Провожаешь? Нехай постоит на отмашке. Самолёт уже скоро. Шума бояться не надо.

— Да я летала уже, — усмехнулась Любка. — Знаю.

Они вышли. Солнце быстро поднималось, становилось жарко. Овцы опять полезли на

посадочную полосу, пастух махнул кепкой и отогнал. Где-то далеко загудело, потом ближе, отчётливее. Самолёт увеличивался в размерах, плавно покачал крыльями, прицеливаясь, сбросил обороты и мягко коснулся луга. Подрулил ближе, остановился и затих. Открылась дверца. Пилоты вышли вслед за пассажирами. Диспетчер хлопнул ладонью по двери:

— Пассажиры, на посадку, по одному, без суеты.

Отец поправил ремень сумки.

— Ну, Люб, иди домой. К матери загляни, скажи, что улетел благополучно.

— Ага, — сказала она и улыбнулась, хотя внутри было немного тревожно. — Не учи учёного...

— Ишь ты. Взрослая стала. Ну, бывай.

Он поднялся по стремянке, оглянулся коротко, сел на железную скамейку вдоль борта с иллюминаторами. Любка помахала. Диспетчер вписал что-то в журнал, сделал пометку карандашом, тронул рацию. Пастух опять обматерил овец, чтоб не лезли под самолёт. Винт завертелся быстрее. Самолёт поехал, разогнулся, оторвался и, набирая высоту, пошёл на восток.

Дорога домой тянулась по полям напрямую, но Любке захотелось пойти дугой — через мост и могильник. Для этого надо было немного пройти через пшеницу, чтобы срезать, как она уже делала не раз. Свернула с дороги, ступила в межу. Колосья по грудь, теплом щекочут. Жа-

воронок вспорхнул, трепещет крылышками, волнуется. Где-то за кустарниками каркнула ворона. Тропка через пшеницу есть, протоптана, но тут будто прервалась.

Любка остановилась, прислушалась. Тишина, только колосья шевелятся. Где-то совсем рядом должна быть дорога к мосту. Шаг, ещё шаг. По правую руку что-то лежит, темнеет. Она раздвинула колоски, затаила дыхание. На земле телогрейка. Человеческая рука, ладонь вверх. Дальше голова, волосы слиплись, что-то чёрное и вязкое, как смола, лицо в сторону, глаза полуоткрыты. Любка отпрянула, хотела крикнуть, но не смогла. Ещё шаг, как во сне. Это же Сашка-кинщик! Кепка с засаленным козырьком рядом валяется, она её узнала. Чуть поодаль мотоцикл на боку, руль вывернут, колесо застыло вертикально, как маленькая мельница, пшеница примята в широком круге.

«Господи...» — прошептала она то ли вслух, то ли про себя. Ноги стали ватные. Сердце билось гулко, в висках стучало. Она робко присела рядом, не касаясь, посмотрела — на ватнике пятно, на земле пятно. Машинально поискала взглядом брелок для ключей, который она сама недавно сплела из кожи, а он беспардонно присвоил себе, но ничего похожего не увидела. В горле стало горячо.

Она отступила назад, задела ногой кочку, едва не упала. Потом бросилась назад, туда, где

межа, и дальше по большаку к деревне. Бежала, не глядя, куда ступает. Ветер свистел в колосьях, тропка пугалась. «Авария? Или ударил кто? Или пьяный в канаву зарулил?» — стучало в голове. Когда выскочила на луг, на мгновение остановилась, хватая воздух ртом. Потом снова бегом. Речку перешла вброд, задрал подол и оголив до трусов белые стройные ноги в расчёсах и ссадинах. Первой мыслью было — к Наде, в библиотеку. Нехай скажет, что делать, она жена, она обязана. Тем более библиотека была по пути к дому участкового. Любка свернула с дороги, взобралась на пригорок и у самой библиотечной калитки чуть не столкнулась с крепким мужчиной в тёмном пиджаке поверх клетчатой рубахи. Он явно только что вышел из калитки на улицу, а Любка, не видя его, чуть не попала ему под ноги.

— Ой! — сказала она испуганно.

Мужчина ничего не ответил. Любка заметила, что верхняя губа у незнакомца была со шрамом посредине, и вообще лицо злое, сердитое, с таким лицом он обязательно должен был выmaterить Любку или на крайний случай процедить сквозь зубы: «Куда прёшь, дура?», но он ничего не ответил и быстро пошёл вниз к дороге. Любка зашла в калитку, там произвольно оглянулась — незнакомец уже почти скрылся за пригорком, и всё-таки Любка успела заметить, что он тоже оглянулся.

Обычная хата с вывеской «Библиотека» встретила её большим амбарным замком на двери. И на гвоздике прилеплен листок: «Ушла на жуки». Любка постояла, глядя на корявые буквы, словно они вот-вот поменяют порядок, и тогда будет совсем другой смысл, например: «Стучите громче!»

Перевела дух и побежала на окраину, где жил участковый Василь. По дороге ей встретила телега с бидонами, мужик кивнул, спросил: «Ты куда так, девка?» Она махнула рукой, даже не ответила. Ноги сами несли, как по наклонной. Двор участкового был захламлён, штакетник щербатый, над крыльцом лампочка болтается на проводе. Она ударила кулаками в дверь, раз, второй, третий.

— Василь! Открывай! Тут такое... Быстро! — Голос сорвался.

В избе послышались шаги. Скрипнув, открылась дверь. На пороге показался Василь, растрёпанный, в майке и служебных бриджах. Но босиком.

— Чего орёшь, Люб? Ты чего, что случилось? — сказал он, и глаза сразу стали внимательными.

Любка попыталась выдохнуть слова, но язык не слушался. Она только кивнула на сторону поля и снова ударила ладонью по двери, как будто от этого всё должно было стать понятным и без слов.

Глава 2

ВОДКУ В ПОЕЗД НЕ БРАТЬ

Полковник Кречетов сидел у окна, щёлкал колпачком ручки и глядел на них, как учитель на троицу отличников, которым опять поручили самое трудное.

— Село Заречье, Брянская область. На обочине дороги в пшенице нашли кинемеханика Александра Петрова. Череп пробит. Район склоняется к мысли, что это обычное ДТП. Местные шепчут про ограбление. С виду складно, а нитки торчат. — Он подвинул Туманскому тонкую папку. — Райотдел там совсем беспомощный, это у них первое убийство за тридцать лет, наверное. Ничего не могут. А областные тоже не могут, попросили помощь, потому как половина состава там то ли в отпусках, то ли болеют. В общем, без вас никак. Сегодня вечером убываете. Поездом до Брянска, дальше «Кукурузником» минут тридцать. Посадка в чистом поле. Домик, радиостанция, один диспетчер. Он же и кассир,

и журнал ведёт. Овец иногда отгоняет от полосы. Романтика.

— Красота, — сказал Илья. — Главное, чтобы сел на том поле, на каком нужно.

— Сядет, — криво усмехнулся Кречетов. — На месте вас подберёт директор совхоза Уткин Игорь Серафимович. Я ему звонил. Машина будет у полосы. Школа на каникулах, классы ваши. Чтобы вам открыли клуб, в котором за час до смерти Петров крутил фильм, попросите завклубом. Или того же директора совхоза. Если начнёт петлять, звоните мне. Работайте без скандалов, но настойчиво.

Валентина придвинулась, не отрывая глаз от блокнота.

— Доступ к бухгалтерским ведомостям нужен сразу.

— Будет, — кивнул полковник. — Попросите директора совхоза. Но без ругани. Вы там гости.

Туманский листал папку, как кулинарную книгу, проверял каждую строку и оценивал, хватит ли у него ингредиентов.

— Контакты в Заречье?

— Участковый Прохоров Василий. Молодой, но голова на месте. Директор школы — Белов Михаил Кириллович. Директор совхоза — представится сам, любит важность. Допросы ведите в школе. В отделение — только в крайнем случае. Вещдоки сразу в штаб, копии про-

токолов — по два экземпляра, и не теряйтесь в бумагах. Судьбу дела решают мелочи.

Илья взял конверт с билетами, прикинул вес.

— Значит, сегодня вечерней лошадю?

— Да. Командировка на три дня. Пойдёт медленнее — продлим.

Кречетов на секунду задержал взгляд на Воронове и Грайве.

— И ещё. Личные сцены на глазах у местных не устраивать. В деревне уши длиннее, чем заборы.

Илья сел ровнее.

— Работаем, товарищ полковник.

— Вот и работайте. Без бахвальства, но с результатом. Если что — я на связи.

Они вышли в коридор. Лифт пришлось ждать: застряла толпа из соседнего отдела, спорили, кто первым нажал кнопку. Туманский повернулся к своим.

— Валя, ты забираешь чемодан с наборами, реактивы, фотоаппарат. В школе нам пригодится всё, даже булавки.

— Возьму. — Она поправила ремешок сумки. — Нужна ещё чистая простыня или брезент. На месте пригодится для разметки.

— Достанем в школе, — сказал Туманский.

Илья прислонился плечом к стене, глянул на Валентину с короткой улыбкой.

— Могу вечером зайти к тебе. И донести твой чемодан до вагона.

— Справлюсь, — ответила Валя. — Но спасибо.

Он хотел отшутиться, но передумал. На секунду взгляд у обоих стал внимательнее, чем требует обычная вежливость. Туманский заметил, как Илья опустил глаза первым.

— Илья, — продолжил Максим, — твоё: дорога к лётному полю, кто шёл на рассвете. Пастухи — лучшие хронометры. Диспетчер, журнал, время прилёта-отлёта. Плюс бытовая мелочь: где кто сидел, кого на телеге подвозили.

— Приму как родных, — кивнул Илья. — Возьму печенье для диспетчера. Люди, которые один за всех, ценят простые вещи.

— Отлично, — сказал Максим. — По приезде — сразу в школу. Разложимся, сделаем карту села, план клуба. Начнём с места. Валя — поле. Илья — люди. Я — договорюсь с директором совхоза и школой.

Дверцы лифта расползлись в стороны. Они вошли. В тесной кабине Илья чуть подался назад, чтобы не задеть Валину сумку. Она принципиально старалась не смотреть на него. Казалось, кому-то из них не хватает смелости, чтобы сказать какую-нибудь милую глупость, и одного взгляда, чтобы открыть шлюзы эмоций.

На первом этаже Туманский поднял папку на уровень глаз, как флажок старта.

— Встречаемся у центрального входа Киевского вокзала за полчаса до отправления. Не опаздывать. По дороге в Брянск спим, в небе — думаем.

— Смена ролей, — усмехнулся Илья. — Обычно у нас всё наоборот.

— Сегодня ты послушный, — сказал Максим. — Завтра можно опять быть героем. Предупреждаю: водку в поезд с собой не брать.

Они разошлись по кабинетам собирать вещи. В коридоре было шумно, кто-то спорил о премиях, кто-то ругался на отсутствие бензина. Валентина остановилась у окна, на секунду задержалась. Илья шёл мимо и всё-таки спросил тише обычного:

— Тебе точно не помочь с чемоданом?

— Точно, — сказала она.

Он кивнул и пошёл дальше, не оглядываясь. Туманский, проходя мимо, сунул папку под мышку и покрутил двумя пальцами воздух, будто завинчивал невидимую гайку.

— По местам, — сказал он. — Завтра тяжёлый день.

Глава 3

ШКОЛА

Нива ехала по грунтовке рывками, как лодка по отмели. За машиной клубился пыльный хвост, в зеркале заднего вида он напоминал клубы дыма при извержении вулкана.

— Дорога у нас простая: если дождь — не проедешь, увязнешь в грязи, если сухо — замучаешься пыль глотать, — сказал директор совхоза Уткин, держась за баранку двумя руками.

Они перевалили через деревянный мост. Брёвна под колёсами ожили, загремели.

— Когда-нибудь под трактором сложится, — вздохнул директор. — Или кто-нибудь в реку нечаянно свалится. Говорю всем: менять надо. А мне: подожди, стоит же. Стоит, пока не упадёт. Я в район уже сто раз докладывал. Там только обещают материалами.

Дальше дорога потянулась вверх. Слева оказалась старая церковь из красного кирпича, стены надломлены, в трещинах растут тонкие берёзки.

— Начало девятнадцатого века, — сказал директор, замедлив ход. — Сейчас мы там газовые баллоны храним. Вон там рядом клуб. Сашка позавчера тут крутил своё последнее кино... Эх... Ужасный случай... Там же почта. Почтарка у нас уже старая, еле ходит.

Проехали ещё несколько домов.

— Здесь аптека, — кивок на избу с вывеской, утопающую среди зарослей сирени. — А это справа библиотека. Библиотекарь толковая, школьники любят туда ходить. А сейчас каникулы, никто не заходит.

Нива выехала на развилку. От главной дороги уходила боковая — в сторону Глазниц.

— Вот круг. Магазин тут. И ателье, если пуговицы пришить или брюки подогнать. — Директор свернул направо, на боковую.

Через пару минут остановился у одноэтажного дома из белого кирпича.

— А вот и школа. Добро пожаловать.

Москвичи выгрузились и на секунду притихли у крыльца. Сельская школа оказалась неожиданно большой, белая, аккуратная. Директор распахнул дверь, и они вошли в прохладный коридор. Линолеум блестел, словно его только что натёрли. На стенах — карта страны с воткнутыми флажками, портреты писателей, рядом щиты с крупными заголовками: «Наши отличники», «Юные техники». В углу стояли пионерский барабан и горн, под

стеклом — стенгазета с детскими рисунками. Тишина звенела.

Валентина задержалась у стенда с микроскопом, дюжиной аккуратных баночек и подписанными препаратами. Подошла к окну, проверила, как закрываются створки, машинально глянула на выключатели. Было видно, что она устала, ей хотелось спокойно разложить чемодан с инструментами и привести мысли в рабочий порядок.

— Здесь можно работать, — сказала она без эмоций, но по голосу было ясно: ей немного тоскливо.

Туманский шёл чуть позади, скользил взглядом по стенам и дверям. На одной двери — табличка «Кабинет физики», на другой — «Труд». У дальней стены висела доска почёта с фотографиями учителей. Он вынул из кармана спички, привычно повертел коробок в пальцах и убрал обратно. Хотелось сесть, снять пиджак и выпить крепкого чая, но первым делом — разместить людей и организовать штаб.

— Просторно. И без лишних глаз, — оценил он.

Директор вёл их дальше. Открыл первый класс.

— Это для мужчин, — сказал он. Доска, плакаты с формулами и картой, два ряда парт. У стены — две раскладушки, на каждой — аккуратные стопки белого белья, рядом табуретки.

Илья надавил ладонью на одну из раскладушек, проверил, не скрипит ли. Потянулся, размял плечи.

— Я бы сейчас прилёт, — мечтательно произнёс он. — Хоть на пятнадцать минут вытянуть спину.

— Сначала разложимся, — ответил Туманский. — Потом чай. И спланируем день. А потом можешь вытягивать спину и даже протягивать ноги.

Директор открыл соседний класс, окна которого были завешены светлыми шторами, и жестом пригласил зайти Валентину.

— Ваши апартаменты, сударыня!

Валентина поставила чемодан на край стола, быстро прикинула, где будет удобнее разложить инструменты, фотоаппарат, пакеты для улик, бумагу. На секунду присела на край парты, глянула в окно на двор, где стояли перекладка и брусья.

— Нужна розетка. А стол, если не трудно, пододвиньте к окну. И ведро чистой воды. Этого пока хватит, — сказала она.

— Сделаем, — отозвался директор и кивнул в конец коридора. — Вода в умывальнике, туалет рядом.

Валентина кивнула.

— Спасибо. Годится.

— Насчёт питания я уже распорядился. — Директор машинально похлопал себя по жи-

воту. — Завтрак, обед и ужин будут привозить с фермы. Через час к вам заедет участковый со всеми документами из района. Дальше уж вы сами, как специалисты.

Он пожал всем руки и вышел из школы.

Остались втроём. Илья прошёлся вдоль парт, подошёл к окну, потом вернулся.

— Судя по количеству столов, классы небольшие. Человек по десять, не больше.

— Это хорошо. Дети хотя бы слышат друг друга, — сказал Туманский. — И учителя тоже.

Валентина провела пальцами по полке с пластилином и линейками, подняла взгляд на стенд с детскими рисунками.

— Место, где маленькие люди учатся не только решать задачи, — тихо сказала она. — Но и разговаривать, дружить, спорить. И влюбляться тоже здесь начинают.

Илья посмотрел на неё, улыбнулся краем губ и глубокомысленно изрёк:

— Поверь эксперту: это у многих переходит в хроническую форму.

— У некоторых — да, — ответила она и, не меняя тона, добавила: — Проверю умывальник.

Туманский вышел во двор, остановился у перекладки. Подпрыгнул, ухватился, сделал несколько чётких подтягиваний, спрыгнул.

— Жить можно, — сказал он, возвращаясь.

В этот момент с улицы донеслось тарактенное мотора. Во двор заехал мотоцикл с коля-